Таисия Белякова

Конструирование национальной идентичности в социалистической Югославии и македонский церковный вопрос

Taisiya Belyakova

Constructing National Identity in the Socialist Yugoslavia and the Issue of Macedonian Church

Taisiya Belyakova — Graduate Student at Gutenberg-University in Mainz; Fellow at the Institute for European History (Mainz, Germany). belta88@list.ru

The article focuses on the influence of the religious factor on the national identity in the post-war Yugoslavia. The main attention is paid to the state policy of supporting some religious institutions with an aim to affect the national question. The other aspect of research is the representation of the religious policy in the context of national memory as reflected in historiography. As a case study the article examines the issue of separation of Macedonian Orthodox Church and proclamation of its autocephaly from the Serbian Orthodox Church in the context of forming the socialist Yugoslavian society and Cold War discourse.

Keywords: national identity, Yugoslavia, autocephaly, Macedonian Orthodox Church, Serbian Orthodox Church, Josip Broz Tito, national question.

В последние десятилетия возник небывалый интерес к изучению феномена «балканских религий» и национализма в связи с гражданской войной, сопровождавшей распад Югославии[1].

Исследование подготовлено в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории» проект «Религия и конструкты национальной идентичности в странах Восточной Европы в XX веке».

1. О восприятии Балкан в западной прессе через призму национализма после событий 1990-х см.: Hatzopoulos, P. (2008) *Balkans beyond Nationalism and Identity.*

Государство Федеративная Народная Республика Югославия было провозглашено 29 ноября 1945 года. Задачами фактического главы государства Иосипа Броз Тито (занимавшего пост председателя страны вплоть до своей смерти 4 мая 1980 года) было преодоление раскола общества, вызванного ужасающими событиями Второй мировой войны, реализация курса на «государственный атеизм» и «окончательное решение национального вопроса» по советскому образцу. Именно отсутствие межнациональных противоречий в единой югославской нации было идеологически важным достижением социалистической Югославии, используемым как во внутренней, так и во внешней пропаганде. Расхождение идеологии с действительностью ярче всего проявилось в период распада Югославии, сопровождавшегося военными действиями и фактической гражданской войной с активным использованием религиозно-национальной риторики.

В национальной политике социалистической Югославии имело место принципиальное расхождение между лежащей в основе правовой базы государства социалистической марксистской доктриной о нациях и религии, заимствованными из СССР в первые послевоенные годы атеистической и «интернационалистской» теориями[2] и реальной ситуацией в стране. Это противоречие является одной из принципиальных проблем при исследовании вопроса о роли религиозного фактора в национальной политике Югославии. Основное внимание в статье предполагается уделить вопросу о поддержке отдельных религиозно-национальных групп

*International Relations and Ideology*m pp. 41–69. London; Velikonja, M. (2003) *Religious Separation and Political Intolerance in Bosnia Herzegovina*. Texas; Gallagher, T. (2005) *The Balkans in the New Millenium. In the Shadow of War and Peace*. New York. Полную библиографию исследований о национальном вопросе в социалистической Югославии см.: Milinković, B. (1992) *Bibliografija radova o nacionalnom pitanju i međunacionalnim odnosima*. Zagreb. Об изучении религиозного аспекта национального вопроса см. Ibid., pp. 69–78. Библиографию исследований религиозной ситуации в Югославии см.: Mojzes, P. (1987) *Church and State in Postwar Eastern Europe. A Bibliographical Survey*, pp. 81–85. New York: Greenwood Press.

2. О следовании югославскими коммунистами во всем советскому образцу писал югославский политик, позднее диссидент Милан Джилас. КПЮ, с его точки зрения, была «не только идеологически сплоченная, как советская, но и верная советскому руководству, что было одним из ее главных созидательных элементов <…> Это обожествление личности Сталина и безусловное принятие всего, происходившего в Советском Союзе, приобретало иррациональные формы и масштабы. Любое действие советского правительства — скажем, нападение на Финляндию, все отрицательное в Советском Союзе, например, судебные расправы и чистки — получало оправдание в Югославии» (*Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 15–16).

правительством Тито. В первую очередь будет рассматриваться «македонский вопрос». В исследовании представлен историографический дискурс как отражение общественной реакции на государственную политику по отношению к религиозным лидерам и церкви в целом, с учетом того, что эта государственная политика, в свою очередь, являлась базой для диссидентской реакции в диаспоре. При этом анализируется роль религиозного фактора в конструктах национальной идентичности: общей югославской идентичности, как главной цели национальной политики КПЮ, и идентичностей отдельных наций при формировании идеологии самоуправляемого социализма в Югославии.

При изучении вопроса о национальной идентичности также необходимо учитывать особенности коммунистической идеологии, подразумевающей подмену исторической памяти идеологией. Одним из направлений идеологической политики Тито было преодоление конфликтов в коллективной памяти времен Второй мировой войны, ставивших под угрозу возможность сосуществования в едином государстве народов, воевавших друг против друга. В соответствии с новой идеологией память о войне должна была сводиться к образу совместного героического противостояния внешней угрозе (наиболее полно воплощавшегося в форме партизанского движения). При этом в эмигрантской диссидентской среде шел другой процесс интерпретации истории в контексте исторически обоснованного межнационального противостояния[3].

Национальная и религиозная политика в послевоенный период

Основной идеологической задачей послевоенного периода было объединение народов и республик, преодоление последствий мировой и гражданской войны на территории Югославии. Создание нового социалистического государства предполагало формирование национального конструкта идентичности — «Новой Югославии» и югославов. Эта идентичность больше не должна была ассоциироваться с югославянскими народами или с историческим

3. О раздвоенной исторической памяти в случае с хорватами см., например, статью: *Biondich, M.* (2006) «We Were Defending the State: Nationalism, Myth and Memory in Twentieth-Century Croatia», in *Ideologies and National Identities*, pp. 66–70. Budapest; *Mojzes, P.* (1994) *Yugoslavian Inferno. Ethnoreligious Warfare in the Balkans*, p. 154. New York.

фактом существования единого государства Югославии в межвоенный период, в ее основе должно было быть представление о сознательно выбранном социалистическом пути[4].

Основным вектором развития государства в послевоенный период в экономической, национальной и религиозной политике было следование советской модели построения социалистического общества[5]. В сфере религии это означало гонения на церковь и духовенство, экспроприацию церковного имущества, закрытие религиозных учреждений и атеистическую пропаганду. Дополнительным фактором, способствовавшим неприязненному отношению к церквам, было непосредственное участие духовенства в событиях гражданской войны и оккупации Югославии. Можно согласиться с позицией американского исследователя П. Мойзеса, согласно которому в период Второй мировой войны высокий статус религии в обществе был утрачен не только по причине больших материальных и человеческих потерь церквей, но и по причине морального и гражданского ущерба, нанесенного их репутации действиями представителей церквей[6].

В программе Союза коммунистов Югославии формулировалось следующее видение национального вопроса: «югославский социалистический патриотизм не противопоставляет себя, но, наоборот, является необходимым интернационалистическим дополнением к демократическому национальному самосознанию в условиях социалистического содружества народов. Речь идет не о создании какой-либо новой „югославской нации“ вместо уже существующих наций, но о естественном росте и усилении социалистического содружества производителей, то есть всех рабочих из всех народов Югославии, об обеспечении их интересов на базе

4. Jović, D. (2006) «Communist Yugoslavia and Its ‘Others’", in J. R. Lampe and M. Mazower (eds) *Ideologies and National Identities*, p. 281, 291. Budapest.

5. По словам И. Б. Тито, «КПЮ видела в Советском Союзе, как в первой стране социализма, опору и образец <...> в деле создания равноправного содружества наших народов <...> в направлении создания единой и действительно объединенной социалистической Югославии *с правильно решенным национальным вопросом*» [курсив. — Т. Б.] (*Тито Б. И.* Избранные статьи и речи. М., 1973. С. 38, 40).

6. Mojzes, P. (1992) *Religious Liberty in Eastern Europe and the* USSR. *Before and After the Great Transformation*, p. 342. New York; Slijepčević, Đ. (2002) *Istorija Srpske Pravoslavne Crkve*, 2, s. 50. Beograd; Buchenau, K. (2003) «Was ist nur falsch gelaufen? Überlegungen zum Kirche-Staat-Verhältnis im sozialistischen Jugoslawien», Lehmann, H., Schjørring, J. H. (eds) *Im Räderwerk des «real existierenden Sozialismus». Kirchen in Ostmittel- und Osteuropa von Stalin bis Gorbatschow*, s. 111. Göttingen: Wallstein Verlag.

социалистических отношений»[7]. Особый характер югославской идентичности подчеркивался, в том числе, с помощью ее противопоставления негативному образу «другого»: концепту межвоенного «буржуазного» югославизма, которому приписывались все негативные черты порабощения и угнетения, а также национализму[8]. В свою очередь, религиозный фактор, с точки зрения коммунистических лидеров, играл важную роль в благоприятном разрешении национального вопроса в социалистической Югославии. Православие в данном контексте воспринималось как пример «национальной религии»[9], тогда как католичество вызывало опасения в связи с угрозой усиления влияния Ватикана[10].

Однако одновременно политика по отношению к Сербской православной церкви (СПЦ) часто проводилась и воспринималась как продолжение программы борьбы против сербского великодержавного шовинизма. Следует отметить, что борьба против «великосербского гегемонизма» была составной частью про-

7. Petranović, B., Zečević, M. (eds) (1988) *Jugoslavija 1918–1988. Tematska zbirka dokumenata*, s. 1074–1075 (iz programa SKJ, apr. 1958). Beograd.

8. Эта позиция четко сформулирована в выступлении Иосипа Броз Тито: «В старой Югославии национальное угнетение со стороны великосербской капиталистической клики означало усиление экономического порабощения угнетенных народов... Свыше 20 лет жили наши народы в условиях неравноправия, свыше 20 лет верхи пытались достичь своего единства, но не единства народов. Свыше 20 лет писали в буржуазной печати, что югославы добились своего единства, но в действительности национальные раздоры усиливались все больше именно из-за национального угнетения и неравноправия, из-за экономического порабощения и т. д.» См.: *Броз Тито И.* Избранные статьи и речи. М., 1973. С. 596.

9. В качестве примера стоит привести цитату из оценки И. Б. Тито деятельности сербского патриарха Гавриила: «Как положительный момент стоит выделить, что он проявляет себя как патриот и что как югослав он чувствует свою ответственность за улучшение состояния, что он понимает, что церковь должна быть в югославянском, точнее славянском смысле, национальной. Это означает, что он не будет, в отличие от других, служить не национальным интересам» (*Religionsfreiheit in der* FVR *Jugoslawien*. Dokumenten. Belgrad, st. 18–19; Slijepčević, Đ. (2002) *Istorija Srpske Pravoslavne Crkve*, t. 3, p. 38. Beograd).

10. Так, по окончании войны существовал политический проект, поддерживаемый частью высшего католического духовенства как в Словении, так и в Хорватии по созданию «автокефальной» Католической церкви на территории Югославии, что позволило бы прервать связи с Ватиканом, а властям получить более управляемое духовенство, которое бы полностью зависело от партийной политики и Тито лично (Ramet, S. P. (2011) *Die drei Jugoslawien. Eine Geschichte der Staatsbildungen und ihrer Probleme*, s. 235. München; Benigar, A. (1974) *Alojzije Stepinac, Hrvatski Kardinal*, s. 639. Rim; Perica, V. (2002) *Balkan Idols: Religion and Nationalism in Yugoslav States*, p. 27. Oxford). Одним из наиболее активных сторонников отделения от Ватикана в среде духовенства был, например, словенский священник-партизан Метод Микуж, агитировавший за создание независимой Словенской католической церкви.

граммы деятельности Коминтерна в межвоенный период. Курс на развал королевской Югославии соответствовал цели разжигания мировой революции и должен был осуществляться в том числе за счет усиления сепаратистских настроений у малых народов[11]. Больше всего средств Коминтерна выделялось именно на поддержку югославских коммунистов[12]. Несмотря на ярко выраженную национальную риторику и просербскую позицию, роль Коминтерна и коммунистов в межвоенный период в королевской Югославии достаточно точно зафиксирована в книге Веселина Джуретича[13]. Тогда как исследователь П. Хатзопулос при оценке деятельности коммунистического движения в межвоенный период не обратил никакого внимания на документы Коминтерна, прямо указывающие на методы развала «буржуазной империи»[14].

На фоне негласного участия Коминтерна развивались «сепаратистские» тенденции в Черногории и Македонии, стремившихся к достижению церковной независимости от СПЦ для повышения своего национального статуса в многоэтничном государстве. Духовенство не гнушалось апелляцией к светскому законодательству и не брезговало помощью партийных активистов для достижения собственной цели. Сербский историк церкви Слиепчевич (а вместе с ним и другие исследователи) утверждает, что за всеми этими попытками отделения Черногории и Македонии от СПЦ

11. Из резолюции Коминтерна: «Компартия Югославии должна сделать национальный вопрос исходной точкой всех последующих выступлений партии, так как именно национальные конфликты и создают благоприятную почву для революционного движения. Не отодвигать национальные конфликты на задний план, не затушевывать их, а, наоборот, подчеркивать и обострять их, переносить их на классовую почву <...> путем агитации и пропаганды» (Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции: В документах центральных российских архивов начала середины 1920-х годов/Отв. ред. Гришина Р. П. Ч. 1, М., 2000. С. 175–176, 160).

12. Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1998. С. 150, 143, 170. О поддержке отдельных национальных партий со стороны Коминтерна в Королевстве СХС см., например, сборник документов: *Гришина Р. П. (*отв. ред.) Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции. С. 249, 175–176, 164; *Спиваковский Е. Н., Груздева В. П.* III Конгресс Коминтерна и коммунистическое движение в Болгарии, Румынии и Югославии // Третий конгресс Коминтерна. Москва: Политиздат, 1975. С. 565, 618.

13. *Джуретич В.* Развал Югославии в XX веке (основные течения 1918–2003). М., 2003.

14. Hatzopoulos, P. (2008) *Balkans beyond Nationalism and Identity. International Relations and Ideology.* London.

стояла Коммунистическая партия Югославии[15]. При этом Слиепчевич подчеркивает, что данные процессы, хотя и носили сепаратистский характер, все же соответствовали линии национальной политики КПЮ, признававшей черногорцев и македонцев отдельными нациями, а также федеративной политике, реализуемой на территории Югославии[16].

Уже в первые послевоенные годы встал вопрос о статусе и юрисдикционной принадлежности Черногории и Македонии. Общий курс новой Югославии на федеративность и противопоставление себя «старой Югославии» вызывал стремление православного духовенства добиваться особого статуса в республиках Югославии и составе СПЦ. В 1945 году духовенство Черногории приняло резолюцию о необходимости требовать такой организации Православной церкви в Югославии, чтобы гарантировать равноправие всем православным вне зависимости от национальной принадлежности. Духовенство требовало создания союза православных священников Югославии[17], который бы «взял в свои руки инициативу по созданию Центрального священнического комитета с целью срочно урегулировать статус Православной церкви в нашей стране и отношения между Федеративной Югославией и нашей Православной церковью, поскольку этого не сделал нынешний Синод СПЦ и поскольку такая позиция Священного Синода не отвечает интересам народа и Святой церкви, посредством которой не могут осуществляться никакие великосербские шовинистические идеи»[18].

Такого рода резолюции отражают факт недовольства духовенства на местах политикой и репутацией СПЦ как до Второй мировой войны, так и в военные годы. Нежелание высших сербских

15. Слиепчевич предлагает рассматривать македонский церковный вопрос «в контексте систематического нагнетания *антисербского психоза* в Югославии», который дополнялся «мечтами об *особой* македонской нации» (*Слијепчевић Ђ.* Македонско црквено питање. Минхен, 1969. С. 11).

16. Slijepčević, D. *Istorija srpske pravoslavne crkve*, t. 3, s. 92.

17. Идея священнических союзов существовала в Сербской православной церкви и других православных церквах уже в XIX в. Первый был основан в 1889 году во время конфликта между сербским правительством и епископатом, инициированого «снизу» духовенством, стремившимся к духовному возрождению церкви, усилению ее морального влияния на население. Несмотря на то что некоторые епископы поддерживали этот союз, он создавался прежде всего низшим духовенством как в том числе протестный против политики церковных иерархов (Alexander, S. (1979) *Church and State in Yugoslavia since 1945*, p. 187. Cambridge: Cambridge University Press).

18. Glasnik SPC, broj 9 od 1. X (18. IX) 1945, str. 85–86.

иерархов налаживать отношения с новыми властями, а также сама неопределенность ситуации в СПЦ в связи с тем, что патриарх Гавриил и часть епископата находились во время войны за границей и не стремились возвращаться в «партизанское» государство, способствовали тому, что на местах духовенство предпочитало напрямую договариваться с властями, готовыми на диалог в рамках политики федеративности и равноправия народов в социалистической Югославии.

Поддержка местными властями национальных инициатив в Югославии в историографии обычно описывается как политика лавирования партии коммунистов между национальными интересами. Особая роль партизан-коммунистов в освобождении Югославии должна была придать режиму Тито характер «общенародного», поддержка малых народов в федерации также способствовала популярности новой социалистической Югославии. Попытки местного духовенства укрепить свой «национальный» статус были во многом способом наладить прямой контакт с властями, в этом виделся единственный шанс сохранить хоть какое-то влияние на жизнь общества[19].

Православная церковь в Македонии

Вопрос о провозглашении автокефальной Македонской православной церкви рассматривается в историографии чаще всего в контексте истории поместных церквей. В исследованиях по истории Сербской православной церкви этот эпизод характеризуется как схизма, неканоническое отделение от сербской патриархии. Формально Белград по-прежнему не признает автокефальную МПЦ. В исследованиях по истории церкви и государства в социалистической Югославии эпизоду с расколом СПЦ и отделением македонской церкви уделяется особое внимание. Одна из ключевых работ на эту тему «Государство и церковь в Югославии с 1945 года» (*Church and State in Yugoslavia since 1945*) британской исследовательницы Стеллы Александер, вышедшая еще в 1970-е гг., рассматривает вопрос о статусе Македонской епархии с 1945 года в контексте взаимоотношений Православной церкви и социалистического государства. Автор часто ссылается на исследования сербского эмигрантского историка церкви

19. См., например, Alexander, S. *Church and State in Yugoslavia since 1945*, pp. 258–259.

Слиепчевича[20]. Позиция Слиепчевича, издававшего свои работы в Западной Германии на средства сербских эмигрантов в Австралии, сводится к следующему: создание МПЦ является политической акцией, итогом национальной политики Компартии Югославии и лично И. Б. Тито, следовавшего линии Коминтерна и персонально заинтересованного в реализации «антисербской» политики[21]. Соответственно, существование македонской нации и македонской церкви на территории Югославии опирается на исторические мифы, сфабрикованные коммунистами[22]. Стелла Александер писала о том, что уже в 1940-е гг. основная позиция, широко распространенная в среде СПЦ, но публично высказываемая только в диаспоре, заключалась в том, что Македонская православная церковь — это просто продукт, созданный коммунистической властью[23]. Из новейших работ этого направления можно упомянуть статью сербских исследователей М. Николича и Д. Дмитриевича[24]. Она полностью разделяет классическую сербскую концепцию о том, что создание автокефальной МПЦ и раскол СПЦ были навязаны коммунистической партией, разделявшей «секулярный (нецерковный) принцип о том, что у каждой нации должна быть своя церковь». Второй тезис статьи доказывает участие Римско-католической церкви в македонском вопросе и ее поддержку самопровозглашенной автокефальной МПЦ. При этом контакты с македонским духовенством представлены, несмотря на осуждение раскола со стороны католических епископов, как антисербская политика Ватикана[25].

В свою очередь, македонская историография рассматривает историю МПЦ в контексте исторической преемственности со средневековой Охридской архиепископией, а также обосновывает с исторической точки зрения притязания македонского народа на национальную церковь, которая включает в себя церковную автокефалию, национальную иерархию и духовенство, а также введение македонского языка в богослужение и церковную прак-

20. *Слијепчевић Ђ.* Питање Македонске православне цркве у Југославији. München, 1959; *Слијепчевић Ђ.* Македонско црквено питање. Минхен, 1969. С. 105.

21. *Слијепчевић Ђ.* Македонско црквено питање. С. 15–41.

22. Там же, с. 9–13, 89–105.

23. Alexander, S. *Church and State in Yugoslavia*.

24. Nikolić, M., Dimitrijević, D. (2013) "'Macedonian Orthodox Church (MOC) ' in Former Yugoslav State», *The Politics and Religion Journal* 7 (1): 193–215.

25. Ibid., pp. 203–209.

тику. При этом любые утверждения в первую очередь со стороны СПЦ о неканоничности действий македонского духовенства и отказ признания автокефалии рассматриваются как проявление сербского национализма, а аргументы о необоснованности секулярных притязаний и конструирования македонской нации коммунистами остаются без внимания[26].

Проблема юрисдикционной принадлежности территорий современного независимого государства Македония уходит корнями в историю взаимоотношений византийцев с соседними славянскими народами, и связана прежде всего с историей средневековой Охридской архиепископии[27]. С 1870 года Охрид подчинялся Болгарскому экзархату, а после Первой мировой войны стал частью сильно расширившейся юрисдикции Сербской православной церкви в связи с новыми политическими границами на Балканах и созданием Королевства сербов, хорватов и словенцев. В начале Второй мировой войны сербский епископат и духовенство покинули Македонию и были замещены болгарским духовенством на время оккупации[28]. Поэтому юрисдикционные притязания сербского и болгарского духовенства на Македонию часто опирались на идеологизированную интерпретацию исторических событий[29].

26. См., например: *Илиевски Д.* Смислата на некои отпори против автокефалијата на Македонската православна црква. Скопје: Институт за национална история, 1970. Из новейших статей следует упомянуть следующую, безусловно, апологетического характера: Cepreganov, T. Shashko, Ph. (2010) «The Macedonian Orthodox Church», in Leustean, L. N. (ed.) *Eastern Christianity and the Cold War*, pp. 173–188. London: Routledge.

27. Наиболее подробное исследование по истории Охридской архиепископии см.: *Снегаров И.* История на Охридската архиепископия, в 2. т. (от основания до ликвидации в 1767 г.). София: Академично издателство проф. Марин Дринов, 1995. Также по истории архиепископии в Средние века и Новое время см.: Gelzer, H. (1902) *Der Patriarchat von Achrida. Geschichte und Urkunden*. Leipzig; Podskalsky, G. (1997) «Zwei Erzbischöfe von Achrida (Ochrid) und ihre Bedeutung für die Profan- und Kirchengeschichte Mazedoniens: Theophylaktos und Demetrios Chomatenos», in *La spiritualité de l'univers byzantin dans le verbe et l'image* (Festschrift für E. Voordeckers). Turnhout; Döpmann, H.-D. (2006) *Kirche in Bulgarien von den Anfängen bis zur Gegenwart*. München: Biblion-Verlag и т. д. Охрид впервые упоминается как епископский центр Болгарской церкви на Четвертом Вселенском соборе в 879–880 гг. См. Prinzing, G. (1993) «Ohrid», *Lexikon des Mittelalters* 6: 1376–1380.

28. Cepreganov, T. Shashko, Ph. (2010) «The Macedonian Orthodox Church», pp. 173–188.

29. В постановлении Синода СПЦ от 22 сентября 1945 г. говорилось о том, что епархии Скопье, Злетово-Струмица (Штип) и Охрид-Битола на территории республика Македонии были частью СПЦ, а православное население находилось под юрисдикцией СПЦ «не только с 1920 года, когда эти епархии в соответствии

Вопрос о национальном самоопределении жителей Македонии стоял наиболее остро на протяжении XX в. Он сыграл особую роль и в истории социалистического движения на Балканах в межвоенный период[30]. Болгарская оккупация в годы Второй мировой войны, сопровождавшаяся замещением местного духовенства болгарским, а также притязания болгарских коммунистов на контроль над македонским коммунистическим движением лишь усложнили проблему национального статуса и самоопределения населения Македонии. Тем не менее «болгаризация» религии и политики натолкнулась на активное сопротивление местного духовенства и населения[31]. Югославские партизаны и КПЮ предприняли активные усилия в борьбе за возвращение Македонии. После окончания Второй мировой войны Македония вошла в состав Федеративной Народной Республики Югославия. В ноябре 1945 года на втором заседании АВНОЮ (Антифашистское вече народного освобождения Югославии) статус македонской нации был признан равным всем остальным югославским нациям. Еще ранее на съезде партизан Македонии в октябре 1943 года была принята декларация об использовании македонского языка в новой республике Македония. Факт признания отдельной нации с особым национальным языком имел впоследствии большое значение, в том числе при требовании македонского духовенства предоставить им автокефалию[32].

Недовольство местного духовенства болгарским вмешательством во внутрицерковные дела в годы Второй мировой войны способствовало налаживанию его сотрудничества с македонскими партизанами-коммунистами. Уже в 1943 году была организована комиссия по религиозным делам во главе с о. В. Манчевским,

с каноническим порядком были объединены, или, точнее сказать, возвращены в лоно объединенной СПЦ <...> но и были в единстве с Печской патриархией много раньше, с которой они были разъединены в силу исторических событий» (Цит. по: Alexander, S. *Church and State in Yugoslavia*, p. 185).

30. По этому вопросу существует множество работ, стоит упомянуть, например, сборники документов: *Гуськова Е. Ю.* (сост.) Македония: Путь к самостоятельности. Документы. Москва: Радуга, 1997; *Жила Л., Поповски В.* Македонский вопрос в документах Коминтерна Т. 1. Часть 1, 2: 1923–1925 гг. Скопье: Гурга, 1999. А также исследования: *Косик В. И. Македония — споры, соглашения, войны* // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов конец XVIII — начало XX в. Москва: Индрик, 1999; *Христов А. Т.* ВМРО и македонската државност 1893–1934. Скопје: Култура, 1993 и т. д. См., также *Слијепчевић Ђ.* Македонско црквено питање. С. 15–41.

31. Alexander, S. *Church and State in Yugoslavia*, pp. 182–183.

32. Alexander, S. *Church and State in Yugoslavia*, p. 183.

которая занималась, помимо прочего, назначением священников в приходы. В 1944 году на конференции в Македонии был создан Организационный комитет под руководством архидьякона Кирилла Стояновского, задачей которого была организация религиозной жизни в Македонии. Комитет тесно сотрудничал с партизанами[33]. Вскоре после освобождения Белграда в Синод СПЦ было направлено приветственное письмо, подписанное македонскими священниками, назвавшимися представителями «Организационного комитета по созданию независимой церкви в Македонии и обновлению исторической Охридской Архиепископии»[34]. Митрополит Иосиф и Синод СПЦ достаточно жестко отреагировали на послание, указывая на недопустимость подобного рода действий, нарушающих субординацию. Синод предложил комитету обсуждать все вопросы с назначенным Белградом митрополитом Иосифом. Организационный комитет отреагировал созывом представителей македонского духовенства и народного собрания (церковно-народного собора) 4–5 марта 1945 года, в котором приняло участие более 300 священников и мирян. На соборе было провозглашено основание независимой Македонской православной церкви и восстановление Охридской архиепископии[35]. В свою очередь, Синод СПЦ созвал конференцию епископов, признавшую все действия Комитета неканоническими и не подлежащим рассмотрению или обсуждению.

Особое опасение ситуация в Македонии вызывала у сербских епископов в диаспоре, которые пытались заручиться поддержкой в том числе патриарха РПЦ Алексия I. Так, уже в октябре 1945 года сербский американо-канадский епископ Дионисий в письме, критикующем позицию РПЦ по отношению к религиозной ситуации в социалистической Югославии, призывал патриарха выступить против отделения «Македонской церкви» как акта, направленного против «единства СПЦ и сербского народа»[36]. В свою очередь, патриарх Алексий в декабре 1945 года от-

33. Cepreganov, T., Shashko, Ph. «The Macedonian Orthodox Church», p. 176.

34. *Слијепчевић Ђ.* Питање Македонске православне цркве. С. 28; Alexander, S. *Church and State in Yugoslavia*, pp. 183–184.

35. Cepreganov, T., Shashko, Ph. «The Macedonian Orthodox Church», p. 176.

36. «Со стороны РПЦ не поднимается голоса против изгнания сербских епископов из Южной Сербии и Македонии, на чьи места пришли болгарские епископы… В сотрудничестве с известным делом клира и политическим представителем этой новой „Македонской державы“ в рамках Югославии эти епископы настояли, после того как канонически не могли оставаться в составе Болгарской православной

ветил Дионисию следующее: «Когда представители Македонской церкви обратились к нам с просьбой поддержать их стремление к автокефалии, мы отклонили ее и пренебрегли ответом, не желая ничем мешать СПЦ. Ни одна из образовавшихся в Югославии самостийно, без согласия Сербской церкви, автокефальная церковь, как поступившая против священных канонов, не может быть нами признана»[37].

Вопрос о статусе епархий на территории республики Македония (в сербской литературе по истории церкви эти территории называются не иначе как «Южная Сербия»), подчинявшихся юрисдикции СПЦ, считался проблемным в глазах руководства СПЦ с самого окончания войны. В марте 1947 года сербский патриарх Гавриил в разговоре с бывшим министром финансов П. Стамболичем и генерал-майором Л. Джуричем (в присутствии митрополита Скопье Иосифа и епископа Ниша Йована) неоднократно возвращался к вопросу о церковной ситуации в республике Македония. В самом начале беседы патриарх заявил:

> Вопрос нашей церкви в Македонии вызывает у нас большое беспокойство, то, что сейчас происходит в Македонии, — это результат болгарской пропаганды. В Македонии властвуют проболгарские на-

церкви, — настояли на создании особой „Православной Македонской церкви“ или же на возобновлении старой Охридской архиепископии. Мы знаем, что Ваша Святость благосклонно глядит на дела Болгарской православной церкви и помогли ей скинуть с нее семидесятипятилетнюю схизму. Но политика болгарских епископов в югославенской Старой Сербии и Македонии, как и политика создания „Независимой Македонской православной церкви“, в сущности, есть призывание о помощи тем антицерковным сербским и разным другим элементам, которые радуются разбитию единства СПЦ и сербского народа. По причине этого ожидаем, что Ваша Святость не захочет признать некую такую насильно и незаконно созданную церковь или хотя какую другую церковь в Югославии, которая бы возникла дроблением от СПЦ.

Вашей Святости, вероятно, известно, что белградское радио в конце августа месяца объявило, что скоро будет приступлено к избранию главы „Независимой православной церкви в Македонии“. Мы молим Вашу Святость воспрепятствовать этому избранию, а если и произойдет оно, то не признавать его. „МПЦ“ как независимая и признанная независимой никогда в истории не существовала… СПЦ не может отказаться от своих исторических прав, но будет и охранять их от всякого, кто вознамерится им угрожать. Мы уверены, что и сама Вселенская Цариградская патриархия не захочет дать признания какой-то так насильно созданной православной церкви, которая не имеет ни этнической, ни канонической основы для своей экзистенции» (Цит. по: Власть и церковь в Восточной Европе 1944–1953. Документы российских архивов. Т. 1, 1944–1948/Под ред. Т. В. Волокитиной, Г. П. Мурашко, А. Ф. Носковой, Д. Н. Нохотович. М., 2009. № 52, с. 215).

37. Власть и церковь в Восточной Европе. 1. № 61. С. 249.

строения[38]. К нам поступают известия с юга, что там не хотят принимать ни одного священника, который не поменяет свою фамилию на «-ов» или «-ски». Они говорят: «не хотим ни сербов владык, ни сербов попов»[39].

Далее обсуждался вопрос, можно и есть ли необходимость решать проблему с учетом национальных особенностей региона. В докладе епископа национальные притязания македонцев были названы «болгарской пропагандой»[40]. Итоговым решением было: во что бы то ни стало «сохранять единство церкви». По словам патриарха, он уже раньше объяснял македонскому коммунисту Димитру Влахову, что «наша федерация возникла куда раньше, чем у вас», имея в виду иерархию в церковной структуре, но что в любом случае «в Церкви не должно быть разделения», хотя патриархия готова признать за македонцами церковную автономию в рамках выделенной им государством автономии. «Пусть они выстроят свою организацию в соответствии со своим менталитетом, своим диалектом и т. д.»[41]. Позиция СПЦ против отделения Македонской церкви была также поддержана православными церквами Греции, Болгарии и других стран, что македонские исследователи объясняют геополитическими притязаниями Балканских государств.

Советскому послу А. И. Лаврентьеву в разговоре с председателем Совмина Федеративной народной республики Югославии Эдвардем Карделем было доложено о ситуации вокруг македонской церкви и об отрицательной позиции патриарха Гавриила по отношению к «сотрудничающим с властями священникам»[42]. Э. Кар-

38. В речи патриарха на сербском это звучало как «Бугараштво».

39. Цитата по: *Јанковић М. Д.* Патријарх Герман у животу и борби за спомен-храм. Београд, 2001. С. 409.

40. «Когда болгары в 1918 году должны были покинуть Македонию, они подкинули идею, что они не болгары и не сербы, а македонцы» (*Јанковић М. Д.* Патријарх Герман. С. 410).

41. *Јанковић М. Д.* Патријарх Герман. С. 410.

42. Справка Совета по делам РПА о беседе посла СССР в Белграде А. И. Лаврентьева с председателем Совмина ФНРЮ Э. Карделем относительно позиции сербского патриарха Гавриила: «Очевидно, что, заметил далее Кардель, Гавриил весьма недоволен тем, что многие православные священники на местах охотно сотрудничают с властями и не особо считаются с реакционно настроенными епископами и вообще со всей верхушкой духовенства. По-видимому, Гавриил хочет того, чтобы правительство оттолкнуло от себя этих священников и помогло подчинить их руководству церкви. Из этого стремления Гавриила ничего не выйдет» (Власть и церковь. 1. № 135. С. 590).

дель продемонстрировал также полную осведомленность в македонском вопросе. По его словам,

> македонское население не принимает и не примет реакционно настроенных епископов, которые раньше славились и сейчас славятся как великосербские шовинисты. Гавриилу это хорошо известно. На днях к Гавриилу явится делегация от священников Македонии, которая выставит требование о восстановлении прежнего статута церкви, согласно которому епископы избирались снизу священниками. Эта делегация также заявит Гавриилу, что Македония хочет единства всей православной церкви, но она в то же время хочет иметь некоторую автономию в деле избрания епископов. Если Гавриил не согласится с этим требованием, то македонские священники изберут главу своей церкви, который хотя и не будет считаться епископом, но будет пользоваться его правами. В конечном счете Гавриил вынужден будет согласиться с этим положением вещей[43].

Однако вследствие конфликта Тито и Сталина, а также в результате гражданской войны в Греции в конце 1940-х годов поддержка македонской церкви югославскими властями ослабла[44], несмотря на изначальное сочувствие коммунистов к национальным притязаниям македонцев[45]. Отсутствие национального епископата и поддержки со стороны других автокефальных церквей также не способствовало укреплению позиций македонской церкви.

В ноябре 1951 года представители Македонского организационного комитета были приглашены в Синод и, по словам нового сербского патриарха Викентия, произвели на него благоприятное впечатление. Делегация признала юрисдикцию СПЦ над церковью в Македонии, «в случае если та уважает национальный суверенитет македонского народа». Также представители попроси-

43. Власть и церковь. 1. № 135. С. 590.

44. За время гражданской войны в Греции возникла идея создания «единой Македонии», в резолюции II пленума Народно-освободительного фронта, проходившего в феврале 1949 года, предлагается «объединение македонского народа в одно единое, независимое равноправное македонское государство в рамках народно-республиканской федерации балканских народов». Однако такой проект в контексте конфликта с Информбюро и нагнетанием холодной войны рассматривался югославскими коммунистами как попытка Советского Союза и Информбюро отделить НР Македонию от государства ФНРЮ, «чтобы расколоть социалистическую Югославию и подчинить республику советской власти». См. *Вукмановић-Темпо С.* О народној револуцији у Грчкој. Београд, 1950. С. 47, 77.

45. Cepreganov, T., Shashko, Ph. «The Macedonian Orthodox Church», p. 178.

ли сделать служебным языком церкви в Македонии македонский язык, тогда как литургическим языком оставался церковно-славянский, кроме того, они высказались за назначение македонских епископов[46]. Тон переговоров стал несравненно более спокойным, признание юрисдикции СПЦ давало возможность ведения конструктивного диалога. Тогда же сербскому епископу македонского происхождения Досифею (Стойковскому) было разрешено нанести официальный визит в Македонию. В 1956 году во время визита в Москву сербский патриарх принял о. Нестора Поповского, председателя Македонского организационного комитета, а в 1957 году патриарх признал за македонским духовенством право проповедовать на македонском языке

В марте 1958 года сербский патриарх Викентий в сопровождении епископов нанес 10-дневный визит в Македонию, во время которого был поднят вопрос о недостаточном финансовом обеспечении церкви в республике. В мае 1958 года И. Б. Тито устроил встречу с югославским высшим духовенством. Патриарх поблагодарил его за интерес к церковным делам и в особенности за решение вопроса о социальном страховании священников; в ответной речи Тито призвал епископов разобраться с проблемой Македонской церкви. По сообщениям в прессе, опасения Тито объяснялись натянутыми взаимоотношениями с Болгарией в данный период, последняя могла воспользоваться македонской ситуацией для внешнего вмешательства. Вопрос нехватки епископов продолжал оставаться открытым ввиду того, что все кандидатуры, предлагаемые македонской стороной, по объективным причинам отклонялись Синодом СПЦ (речь шла о женатых священниках)[47]. Болезнь и скоропостижная смерть патриарха Викентия 5 июля 1958 года стали рубежом, когда решение македонской проблемы не могло больше откладываться.

В октябре 1958 года в Охриде состоялся Церковный и Национальный собор, собравший 220 священников и мирян, на котором было принято решение восстановить архиепископскую кафедру в Охриде, был избран македонский митрополит Досифей (Стойковский, викарный епископ СПЦ с 1951 года) «только для МПЦ и православных македонцев»[48]. На Соборе были назначе-

46. Alexander, S. *Church and State in Yugoslavia*, p. 207.

47. Ibid., p. 260.

48. *Илиевски Д.* Смислата на некои отпори против автокефалијата на Македонскатаправославнацрква. Скопје, 1970. С. 18.

ны три новых епископа для трех новых епархий. Такое избрание было расценено как неканоническое, поскольку на нем присутствовал всего один хиротонисанный епископ. Также был принят новый устав, в соответствии с которым македонская церковь оставалась в каноническом единстве с СПЦ через сербского патриарха, который был бы также патриархом МПЦ. Со своей стороны, в мае-июне 1959 года Архиерейский собор СПЦ принял постановление, в котором было сказано, что епархия в Республике Македония «отделилась в самостоятельную церковь, которая управляется в соответствии с уставом, принятым на македонском церковно-национальном соборе»[49]. Данное постановление сильно повлияло на дальнейшее развитие событий. По мнению сербских историков, оно было продиктовано идеей «икономии», даже «наивностью» представителей СПЦ[50]. Признание автономии МПЦ не предполагало ее отделения в автокефальную церковь. С канонической точки зрения оно могло быть осуществлено только при условии согласия СПЦ и признания остальных православных церквей (что не входило в планы СПЦ). При этом македонская сторона впоследствии ссылалась именно на это постановление СПЦ, опираясь на слово «самостоятельный» как аналог греческого «автокефальный»[51]. Процесс еще большего обособления Македонской церкви пошел дальше. В переговорах с сербским патриархом представители МПЦ настаивали на упрочнении «автономного статуса» МПЦ как единственно возможного решения сложившейся ситуации, призывая СПЦ действовать «в интересах экуменизма», призванного объединять церкви, а не разделять их[52]. Осенью 1966 года МПЦ официально запросила у Синода СПЦ предоставление ей автокефального статуса. 23 мая 1967 года Синод СПЦ отверг данную просьбу. На 17–19 июля был назначен Церковно-народный собор Македонии в Охриде, в соответствии с решениями которого 19 июля была провозглашена автокефалия Македонской православной церкви; митрополит получил новый титул «архиепископ Охридский и Македонский». Вскоре МПЦ перешла на новоюлианский календарь. В сентябре 1967 года Синод СПЦ объявил МПЦ раскольнической религиоз-

49. Цит. по: *ИлиевскиД.* Смислата на некои отпори. С. 18.

50. Nikolić, M., Dimitrijević, D. «'Macedonian Orthodox Church (MOC) '», p. 196.

51. *ИлиевскиД.* Смислата на некои отпори. С. 41.

52. Nikolić, M., Dimitrijević, D. «'Macedonian Orthodox Church (MOC) '», pp. 200–201.

ной организацией и прервал каноническое общение с македонским духовенством.

На протяжении 1960-х гг. продолжались попытки со стороны Синода СПЦ призвать руководство МПЦ к возвращению «в лоно матери сербской церкви». Невозможность получить признание у других православных церквей, выступивших за сохранение канонического порядка и поддержавших СПЦ, способствовала возникновению идей о том, что македонские епископы собираются отказаться от автокефалии. С другой стороны, было очевидно, что македонское духовенство никогда не пошло бы на этот шаг, ведь отказ от автокефальности, по словам Д. Илиевского, означал бы отречение от македонской идентичности и самобытности, исторических идеалов национальной и духовной свободы[53]. Кроме того, местное партийное руководство оказывало поддержку македонскому духовенству, тогда как югославское руководство требовало от СПЦ мирного разрешения конфликта.

Вопрос о политической инициативе в достижении автокефалии МПЦ, а также о неканоничности автокефалии, на которой настаивает СПЦ вплоть до сегодняшнего дня, является достаточно сложным. Канонистам и историкам церкви известно, что в православии практически нет исторических примеров «канонического» легитимного пути при отделении от матери-церкви для достижения автокефалии[54]. Важным аргументом при достижении автокефалии является этнический принцип, а также вопрос государственной принадлежности. Апелляция к светскому законодательству и использование «секулярных» средств достижения автокефалии не является исключительным показателем партийной инициативы и продавливания «македонского проекта» со стороны коммунистов. Равным образом и идея собственной церкви, существование которой необходимо для завершения процесса формирования нации, ни в коем случае не является продуктом «коммунистической секулярной политики»[55]. Ближайший пример из истории достижения автокефалии на Балканах — создание Болгарского экзархата в 1870 году. Автокефалия обосновывалась национальными притязаниями

53. Ibid., p. 16.

54. Классическая работа об автокефалии см.: *Лотоцький О.* Автокефалія, в 2 т. Варшава, 1935.

55. Такая точка зрения ярче всего выражена в статье: Nikolić, M., Dimitrijević, D. (2013) «'Macedonian Orthodox Church (MOC) '», pp. 193, 209.

болгар на независимость от Константинопольского патриархата (в первую очередь ввиду языковых различий), апеллировала к светскому османскому законодательству и опиралась в итоге на фирман султана[56]. В данном случае предпочтительным выглядит мнение историка С. Павловича, который также видит в решении македонского церковного вопроса не «прямую руку Тито», но выражение национальных интересов македонцев в рамках исторически заданной национально-религиозной парадигмы, правда, не без поддержки со стороны партийного аппарата[57].

Заключение

Религиозная политика в Югославии коренным образом отличалась от других стран Восточной Европы, следовавших советской социалистической модели. Ни одна из христианских церквей не получила такой свободы действий в государствах социалистического блока, как церкви в Югославии. В других странах Восточного блока не официальное государство, а оппозиция видела в религиозных институтах выразителей национальных интересов, противостоящих коммунизму советского типа[58].

Характерные антропологические особенности Балканского региона, связанные со слабой секуляризацией общества и особой ролью религии в этническом самосознании, имели особое значение в попытке решения сложного национального вопроса в социалистической Югославии. Государство искало в религиозных институтах поддержку при создании новой национальной идентичности — югославской. Традиционно национальный характер

56. Екзархийский Уставъ. Устав за управлението на Българската Екзархія отъ 14 Май 1871 г. Б. м. и г. С. 2–3. При этом при требовании автокефалии Белградской митрополии от Константинопольского патриархата в 1879 году сербы опирались, в свою очередь, именно на болгарский прецедент, несмотря на осуждение «этнофилетизма», см. Popović, R. (2005) *Serbian Orthodox Church*, p. 89. Beograd; *Веселиновић Р.* Преглед историје цркве у Старој Србији и Маведонији од 1766. до 1919. Године. Српска Православна Црква 1219–1969. Београд, 1969. С. 331. О политических вопросах, связанных с провозглашением Болгарского экзархата, см. *Герд Л. А.* Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). М., 2006.

57. Pavlowitch, S. K. (1990) *The Improbable Survivor. Yugoslavia and its Problems 1918–1988*, p. 105. London.

58. Подробнее см.: Scarfe, A. (1984) «National Consciousness and Christianity in Eastern Europe», in Ramet, S. P. (ed.) *Religion and Nationalism in Soviet and East European Politics,* pp. 34–35. Durham.

религиозных организаций также отвечал задаче пропаганды нового патриотизма, социальная защита духовенства способствовала взаимопониманию между церковью и государством. Курс на конструирование македонской идентичности в Югославии нашел свое логическое завершение в церковной независимости, что в дальнейшем способствовало «национализации» православия в Македонии.

Библиография/References

Веселиновић Р. Преглед историје цркве у Старој Србији и Маведонији од 1766. до 1919. Године. Српска Православна Црква 1219–1969. Београд, 1969.

Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Нохотович Д. Н. (ред.) Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953. Документы российских архивов. Т. 1, 1944–1948. Москва: РОССПЭН, 2009.

Гиренко Ю. С. Советско-югославские отношения. Москва: Международные отношения, 1983.

*Гришина Р. П. (*отв. ред.) Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции: В документах центральных российских архивов начала середины 1920-х годов. Ч. 1, Москва: Эдиториал УРСС, 2000.

Гуськова Е. Ю. Геополитический аспект конфликта Сталин — Тито [http://guskova.ru/w/yuhis/2009-dec, доступ от 01.09.2014].

Гуськова Е. Ю. (сост.) Македония: Путь к самостоятельности. Документы. Москва: Радуга, 1997.

Джилас М. Лицо тоталитаризма. Москва: Новости, 1992.

Джуретич В. Развал Югославии в XX веке (основные течения 1918–2003). Москва: Индрик, 2003.

Јанковић М. Д. Патријарх Герман у животу и борби за спомен-храм. Београд, 2001.

Жила Л., Поповски В. Македонский вопрос в документах Коминтерна Т. 1. Часть 1, 2: 1923–1925 гг. Скопье: Гурга, 1999.

Илиевски Д. Смислата на некои отпори против автокефалијата на Македонската православна црква. Скопје: Институт за национална история, 1970.

Коминтерн и идея мировой революции. Документы. Москва: Наука, 1998.

Косик В. И. Македония —споры, соглашения, войны // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов конец XVIII — начало XX в. Москва: Индрик, 1999.

Лотоцький О. Автокефалія, в 2 т. Варшава: Праці українського наукового інституту, 1935.

Романенко С. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX века — 1991 год). Москва: Новое литературное обозрение, 2011.

Слијепчевић Ђ. Македонско црквено питање. Минхен, 1969.

Слијепчевић Ђ. Питање Македонске православне цркве у Југославији. München, 1959.

Снегаров И. История на Охридската архиепископия, в 2. т. (от основания до ликвидации в 1767 г.). София: Академично издательство проф. Марин Дринов, 1995.

Спиваковский Е. Н., Груздева В. П. III Конгресс Коминтерна и коммунистическое движение в Болгарии, Румынии и Югославии // Третий конгресс Коминтерна. Москва: Политиздат, 1975. С. 562–623.

Тито Б. Избранные статьи и речи. Москва: Полит. лит., 1973.

Христов А. Т. ВМРО и македонската државност 1893–1934. Скопје: Култура, 1993.

«Relations between the state and the Roman Catholic Church in Croatia, Yugoslavia in the 1970s and 1980s» (1982), *Occasional papers on religion in Eastern Europe* 2 (3).

Akhavan, P. Howse, R. (1995) *Yugoslavia: The Former and Future, Reflections by Scholars from the Region*. Washington D. C.: Brookings Institute.

Alexander, S. (1979) *Church and State in Yugoslavia since 1945*. Cambridge: University Press.

Alexander, S. (1987) *The Triple Myth. A Life of Archbishop Alojzije Stepinac*. N. Y.: Columbia University Press.

Altevolmer, B. (2004) *Nation-Building in Serbien und Kroatien. Eine Studie zur Reichweite allgemeiner Theorien des Nationalismus*. Stuttgart.

Banac, I. (1984) *The National Question in Yugoslavia*. London: Cornell University Press.

Benigar, A. (1974) *Alojzije Stepinac, Hrvatski Kardinal*. Rim.

Benson, L. (2001) *Yugoslavia: a Concise History*. New York: Palgrave Macmillan.

Biondich, M. (2006) «We Were Defending the State: Nationalism, Myth and Memory in Twentieth-Century Croatia», in *Ideologies and National Identities*, pp. 66–70. Budapest.

Boeckh, K. (1996) «Monolog der Ideologie: der Prozeß gegen Erzbischof Stepinac 1946 in der damaligen jugoslawischen Presse», F. Prcela (ed.) *Dialog. Auf dem Weg zur Wahrheit und zum Glauben*, ss. 325–335. Mainz: Paderborn.

Bošnjak, B., Bahtijarević, S. (1969) *Socijalističko društvo, crkva i religija*. Zagreb: Institut za društvena istraživanja Sveučilišta.

Buchenau, K. (2006) *Kämpfende Kirchen: Jugoslawiens religiöse Hypothek*. Frankfurt am Main: Peter Lang.

Buchenau, K. (2003) «Was ist nur falsch gelaufen? Überlegungen zum Kirche-Staat-Verhältnis im sozialistischen Jugoslawien», Lehmann, H., Schjørring, J. H. (eds) *Im Räderwerk des «real existierenden Sozialismus». Kirchen in Ostmittel- und Osteuropa von Stalin bis Gorbatschow*. Göttingen: Wallstein Verlag.

Cepreganov, T. Shashko, Ph. (2010) «The Macedonian Orthodox Church», in Leustean, L. N. (ed.) *Eastern Christianity and the Cold War*, pp. 173–188. London: Routledge.

Cviić, C. (1985) «Religion and Nationalism in Eastern Europe: the Case of Yugoslavia», *Journal of international studies* 14 (2).

Cvitković, I. (1986) *Ko je bio Alojzije Stepinac*. Sarajevo: NIŠRO Oslobodjenje.

Cvitković, I. (1981) «Crkva u savremenom jugoslavenskom društvu», *Naše teme* 25 (7/8).

Djilas, M. (1992) *Lico totalitarizma* [The face of the totalitarism]. Moscow: Novosti.

Djuretić, V. (2003) *Razval Jugoslavii v XX veke (osnovnie techenia 1918–2003)*. [Destroying of Yugoslavia in the 20th century (the main directions 1918–2003)]. Moscow: Indrik.

Döpmann, H.-D. (2006) *Kirche in Bulgarien von den Anfängen bis zur Gegenwart*. München: Biblion-Verlag.

Drobech, W., Stauber, R., Tropper, P. G. (2007) *Mensch, Staat und Kirchen zwischen Alpen und Adria 1848–1938. Einblicke in Religion, Politik, Kultur und Wirtschaft einer Übergangszeit*. Klagenfurt/Celovec-Ljubljana/Laibach-*Wien*/Dunaj; Klagenfurt.

Frid, Z. (1971) *Religija u samoupravnom socijalizmu*. Zagreb: Centar za drustvene djelatnosti omladine.

Gallagher, T. (2000) *The Balkans after the Cold War: From Tyranny to Tragedy*. London: Routledge.

Gallagher, T. (2005) *The Balkans in the New Millenium. In the Shadow of War and Peace*. New York.

Gelzer, H. (1902) *Der Patriarchat von Achrida. Geschichte und Urkunden*. Leipzig.

Girenko, Yu. (1983) *Sovetsko-yugoslavske otnoshenia* [Soviet-Yugoslav relationship]. Moscow.

Greinacher, N., Elizondo, V. (1982) *Churches in Socialist Societies of Eastern Europe*. New York.

Grishina, R. P. (2000) *Nacionalniy vopros na Balkanah cherez prizmu mirovoj revolucii:* V *dokumentah centralnih rossijskih arhivov nachala serediny 1920-h godov* [National question in the Balkans through the prism of the world revolution: In documents from the central Russian archives from the middle of the 1920s], Vol. 1, Moscow.

Guskova, E. (2009) *Geopoliticheskij aspekt konflikta Stalin-Tito* [Geo-political aspect of Stalin-Tito`s conflict] [http://guskova.ru/w/yuhis/2009-dec, accessed on 01.09.2014].

Guskova, E. (1997) *Makedonija: Put k samostojatelnosti. Dokumenti* [Macedonia: the way to the independency. Documents]. Moscow.

Hatzopoulos, P. (2008) *Balkans beyond Nationalism and Identity. International Relations and Ideology*. London.

Hristov, A. (1993) VMRO *i makedonskata državnost 1893–1934* [VMRO and Macedonian statehood]. Skopje.

Hudson, K. (2003) *Breaking the South Slav Dream, The Rise and Fall of Yugoslavia*. London.

Ilievski, D. (1970) *Smislata na nekoi otpori protiv avtokefalijata na Makedonskata pravoslavna crkva* [The meaning of the resistence against autocephaly of Macedonian Orthodox Church]. Skopje.

Janković, M. D. (2001) *Patrijarh German u životu i borbi za spomen-hram*. Beograd.

Jerotić, V. (2004) *Vera i nacija*. Beograd: Ars Libri.

Jović, D. (2006) «Communist Yugoslavia and Its 'Others'", in J. R. Lampe and M. Mazower (eds) *Ideologies and National Identities*. Budapest.

Komintern i ideja mirovoj revolucii. Dokumenti [Comintern and the idea of the world revolution] (1998). Moscow: Nauka.

Kosik, V. I. (1997) «Makedonija — spori, soglashenija, vojni» [Macedonia — conflicts, agreements, wars], in *Na putiah k Jugoslavii: za i protiv. Ocherki istorii nacionalnih ideologij jugoslavianskih narodov 18 — nachala 20 v.* [On the way to Yugoslavia: pro et contra. Apects of the history of national ideologies of Yugoslavian nations 18 — beginning of the 20th c.]. Moscow.

Krišto, I. (1997) *Katolička crkva u totalitarizmu 1945.–1990.: razmatranja o Crkvi u Hrvatskoj pod komunizmom*. Zagreb.

Leustan L. N. (2004) «Religious Elements in Defining European Identity in the European Union and Southeastern Europe», in D. Marinović, S. Zrinščak, I. Borowik (eds) *Religion and patterns of social transformation*, pp. 277–295. Zagreb.

Lotockiy, O. (1935) *Avtokefalia* [Autocephaly]. Warsaw.

Manousakis, G. M. (1997) «Das Verhältnis von Orthodoxie und Islam im heutigen Südosteuropa», in Döpmann, H.-D. (Hg.) *Religion und Gesellschaft in Südosteuropa*. München.

Milinković, B. (1992) *Bibliografija radova o nacionalnom pitanju i međunacionalnim odnosima*. Zagreb.

Mojzes, P. (1987) *Church and State in Postwar Eastern Europe. A Bibliographical Survey.* New York: Greenwood Press.

Mojzes, P. (1992) *Religious Liberty in Eastern Europe and the* USSR. *Before and After the Great Transformation*. New York.

Mojzes, P. (1994) *Yugoslavian Inferno. Ethnoreligious warfare in the Balkans*. New York.

Mužić, I. (1978) *Katolička crkva u Kraljevini Jugoslaviji*. Split.

Nikolić, M., Dimitrijević, D. (2013) "'Macedonian Orthodox Church (MOC) ' in Former Yugoslav State», *The Politics and Religion Journal* 7 (1): 193–215 [http://www.politicsandreligionjournal.com/images/pdf_files/engleski/volume7_no1/nikolic.pdf, accessed on 20.12.2014].

«Odnosi izmedju vjerskih zajednica i države» (1981), *Argumenti* 1 (1): 80–103.

Okey, R. (2007) *Taming Balkan Nationalism, The Habsburg «Civilizing Mission» in Bosnia, 1878–1914*. New York.

Pavlowitch, S. K. (1990) *The Improbable Survivor. Yugoslavia and its Problems 1918–1988*. London.

Pavlowitch, S. K. (2008) *Hitler's New Disorder. The Second World War in Yugoslavia*. London.

Perica, V. (2002) *Balkan Idols: Religion and Nationalism in Yugoslav States*. Oxford.

Petranović, B., Zečević, M. (eds) (1988) *Jugoslavija 1918–1988. Tematska zbirka dokumenata*. Beograd.

Petrović, M. (1997) *Konkordatsko pitanje Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca*. Beograd.

Podskalsky, G. (1997) «Zwei Erzbischöfe von Achrida (Ochrid) und ihre Bedeutung für die Profan- und Kirchengeschichte Mazedoniens: Theophylaktos und Demetrios Chomatenos», in *La spiritualité de l'univers byzantin dans le verbe et l'image* (Festschrift für E. Voordeckers). Turnhout.

Prinzing, G. (1993) «Ohrid», *Lexikon des Mittelalters* 6: 1376–1380.

Ramet, S. P. (1984) «The Interplay of Religious Policy and Nationalist Policy in the Soviet Union and Eastern Europe», *Religion and Nationalism in Soviet and East European Politics*. Durham.

Ramet, S. P. (2011) *Die drei Jugoslawien. Eine Geschichte der Staatsbildungen und ihrer Probleme*. München.

Romanenko, S. (2011) *Mezhdu «proletarskim internacionalizmom» i «slavjanskim bratstvom». Rossijsko-jugoslavskie otnoshenija v kontekste etnopoliticheskih konfliktov v Srednej Evrope (nachalo* XX *veka — 1991 god)* [Between «proletarian internationalism» and «Slav brotherhood». Russian-Yugoslavian relations in the context of ethno-political conflicts in the Central Europe (beginning of the 20th century — 1991)]. Moscow.

Roter, Z. (1976) *Katoliška cerkev in država v Jugoslaviji 1945–1973. Sociološki teoretični vidiki in raziskovalni model*. Ljubljana.

Šagi-Bunić, T. (1983) *Katolička crkva i hrvatski narod*. Zagreb.

Slijepčević, Đ. (1959) *Pitanje Makedonske pravoslavne crkve u Jugoslaviji*. München.

Slijepčević, Đ. (1969) *Makedonsko crkveno pitanje*. München.

Slijepčević, Đ. (2002) *Istorija Srpske Pravoslavne Crkve*, 2. Beograd.

Snegarov, I. (1995) *Istorija na Ohridskata arhiepiskopia (ot osnovania do likvidacii v 1767 g.)* [History of the Ohrid archdiocease (from founding till liquidation in 1767)]. Sofia.

Spivakovskij, E., Gruzdeca, V. (1975) «III Kongress Kominterna i kommunisticheskoe dvizhenie v Bolgarii, Rumynii i Jugoslavii» [III Congress of Comintern and the communist movement in Bulgaria, Romania and Yugoslavia], *Tretij kongress Kominterna* [The Third Congress of Comintern], pp. 562–623. Moscow.

Stojadinović, M. M. (1970) *Ni rat ni pakt. Jugoslavija izmedju dva rata*. Rijeka-Opatija: Otokar Keršovani

Tito, B. (1973) *Izbrannie statji i rechi* [Selected articles and speeches]. Moscow.

Todorova, M. (2009) *Imagining the Balkans*. New York.

Udovički, J., Ridgeway, J. (2000) *Burn This House. The Making and Unmaking of Yugoslavia*. London.

Velikonja, M. (2003) *Religious Separation and Political Intolerance in Bosnia Herzegovina*. Texas.

Veselinović, R. (1969) «Pregled istorije crkve u Staroj Srbiji i Makedoniji od 1766. Do 1919. Godine», *Srpska Pravoslavna Crkva 1219–1969*. Beograd: zdanje Svetog arhijerejskog sinoda Srpske pravoslavne crkve.

Vidić, R. (1962) *Position of the Church in Yugoslavia*. Belgrade.

Volokitina, T., Murashko, G., Noskova, A. (2008) *Moskva i Vostochnaia Evropa. Vlast' i tserkov' v period obshchestvennykh transformatsii 40–50 godov* XX *v.* [Moscow and Eastern Europe. The Power and the Church in the Period of Society's Transformations in the 1940s and 1950s]. Moscow.

Vrcan, S. (1980) *Raspeto katoličanstvo*. Zagreb.

Vušković, B. Plačko, Lj. (1987) «Religijsko-crkvena identifikacija i praksa», *Religija i društvo*. Zagreb.

Žila, L., Popovski, V. (1999) *Makedonskij vopros v dokumentah Kominterna* [Macedonian question in the documents of Comintern], vol. 1, part 1, 2: 1923–1925. Skopje: Gurga.

Zirdum, A. (2007*) Povijest kršćanstva u Bosni i Herzegovini.* Plehan: Slovoznak.

Zrinščak, S. (1999) *Sociologija religije. Hrvatsko iskustvo*. Zagreb: Pravni fakultet.